

смерти писателя). Нечего и говорить, что в этой области Достоевский проявил гениальную проницательность, перевернув господствовавшие в его эпоху плоско-рационалистические представления о законах душевной жизни. Недаром Ницше говорил, что Достоевский — «единственный психолог, у которого я мог чему-то научиться». Достоевский — один из глубочайших психологов всех времен.

Но глубинность Достоевского не исчерпывается одной психологией, в его романах наличествует еще один — третий, наиглубиннейший — метафизический, или, если угодно, мистический план. В этом сокровенном плане у Достоевского происходит живая диалектика идей — мы понимаем это слово в платоно-гегелевском, а не в обычном «общественном» смысле. К этой области, еще более, чем к чисто психологической, применим известный афоризм Мережковского («Достоевский — тайновидец духа»). Не только и не столько психология, сколько именно царство человеческого духа, с его божественными и сатанинскими возможностями, составляет главный фокус внимания писателя. Здесь писатель исследует мир платоновских идей, прослеживает их диалектику, и именно здесь происходит (говоря словами самого Достоевского) «касание мирам иным».

Этот глубиннейший, метафизически-мистический план доступен лишь лицам с философскими интересами и, главное, с известным мистическим опытом. Именно поэтому, думается, атеисты и агностики и, вообще, лица слепые в религиозно-философском отношении, никогда не смогут понять истинное значение творчества Достоевского.

Некоторые исследователи различают еще большее количество планов в структуре романов Достоевского. Так, профессор Зернов, например, говорит о наличии пяти таких планов. Мне это представляется ненужным усложнением вопроса.

Во всяком случае, несомненно, что в романах Достоевского наличествует, по крайней мере, три основных плана, причем более внешние пласты служат средством к выражению пластов более внутренних. По мере углубленного чтения произведений писателя мы проникаем во все более внутренние пласты. Этим и подводится основание под метафору, что «романы Достоевского развиваются вовнутрь и вглубь».

Разумеется, наличие нескольких планов или пластов в романах Достоевского менее всего означает, что они «составлены» из этих пластов. Романы Достоевского представляют собой «единство в многообразии», и все три плана здесь сосуществуют и взаимопроникают друг в друга. Различать эти планы можно — и нужно — лишь в целях анализа структурных особенностей его творчества.

Хочется добавить еще несколько слов о структуре глубиннейшего, метафизического плана. — У Достоевского по большей части каждый герой является носителем и воплотителем своей неповторимой и индивидуальной идеи — как это было тонко подмечено и превосходно проанализировано М. Бахтиным в его замечательной книге «Проблемы творчества Достоевского» (1929). (Заглавие второго издания, выпущенного почти через сорок лет после первого — «Проблемы поэтики Достоевского», 1963).

Достоевский «проводит» в своих романах не одну определенную идею, а сразу несколько идей, сосуществующих одна с другой и нередко противоречащих одна другой. При этом каждый герой выражает свою идею своим неповторимым «голосом». Именно поэтому Бахтин говорил о «многоголосости» произведений Достоевского и назвал его романы «полифоническими».

Книга Бахтина о Достоевском, вообще, настолько замечательна как меткостью и тонкостью наблюдений автора, так и широтой синтеза, что мне придется сказать о ней несколько слов, разумеется, в рамках моей темы.